

Я залезу на стол в кабаке и
Почитаю оттуда стихи вам
С надрывом:
Загрустят капитала лакеи,
Поплачут над пивом.
Хмель и солод с солёным вкуснее –
Слёзы в пене помехой не будут,
Так что я залезу на стол в кабаке и
С надрывом почитаю стихи вам оттуда.
Я такой же, как вы, абсолютно –
Это слышно в каждом четверостишье –
И, обозначая наше сходство прилюдно,
Чтоб всем было видно, я лезу повыше.
Словно солдат, что поднялся без каски на бруствер,
Ловя своим черепом выстрел,
Я так однажды достану до люстры
И над всем миром крещёным повисну –

И продолжатся двадцатые годы
Без мутящих воду
И чуждых народу
Упаднических поэтов.
От лишних карт зачистят колоду
Шестёрки-сексоты,
В погонах идиоты,
Дураки в эполетах.

Сочтены дни Турбиных, и вместо изб лубяных –
Небоскрёбы да трубы: мы глядим на них из глубины,
Словно рыбы на луну, и я пою для родного дна
Свой романс «под старину» в духе Бориса Фомина.
В «Злых заметках» главреда «Правды» я предстану посмертно франтом,
Алкашом без тени таланта, жалким внутренним эмигрантом,
Рифмующим пьяный бред, но одного не учтёт главред –
Того, что его «Правдой» подотрутся через сотню лет.
Подо мной пошатнётся стол – полечу вниз головой:
За штанину потянет кто-то, вовлекая в мордобой,
И трактирный половой вызовет городского –
Вот он, дар мой удалой; да, вот такая сила слова!
Я завтра залезу снова, словно альпинист настырный,
Вам стихи под нос подсовывая спиртом нашатырным.
Снова на башке – бутылка, под ногами – бруствер:
Давай, вражеский снайпер, покажи своё искусство!

И продолжатся двадцатые годы
Без мутящих воду
И чуждых народу
Упаднических поэтов.
От лишних карт зачистят колоду
Шестёрки-сексоты,
В погонах идиоты,
Дураки в эполетах.